

Разговор должен состояться!

Какого театра не порадуешь тот явный признак успеха нового спектакля, когда из уст в уста передается: «Это надо посмотреть». Именно так начала свою жизнь на сцене Киевского театра имени Леси Украинки комедия Н. Винникова «Когда цветет акация».

Откуда эта мгновенно возникшая популярность? На чем она основана?

Не секрет, что во многих наших пьесах и фильмах до недавнего времени герои жили и действовали в атмосфере, искусственно очищенной авторами от того, что составляет повседневную будничную сторону жизни человека. Если верить таким драматургам, то зарплата для рабочего или стипендия для студента, их жилье не играют никакой роли — они «выше этого». Взорность такого ханжеского взгляда очевидна. Попытка закрыть глаза на трудности и недостатки, которые все еще есть в нашей жизни, часто приводила к откровенной лакировке, к упрощенчеству, к фальши, ненужной и оскорбительной для народа.

Но когда мы говорим о правде жизни, мы имеем в виду, разумеется, не мешанское смакование трудностей, не нудное, бескрылое бытописание. Быт в произведении искусства интересует нас как одна из сторон человеческой жизни, в которой также раскрываются сильные мужественные характеры, идет борьба за передовое мировоззрение и передовую мораль, против чуждого, отсталого, наносного.

Великая правда нашей действительности не в мелком житейском правдоподобии, а в страстном партийном утверждении самых дорогих нам идей и чувств. Правда, а не правдочка! Ясность идейных позиций, а не растерянность перед противоречиями жизни, ее сложность.

Пьеса Николая Винникова — молодежная комедия. Комедия веселая, часто по-настоящему смешная. Диалог развивается легко, в нем много остроумных блесков, ве-

ришь, что драматург подслушал речь своих героев в студенческих общежитиях. Правда, отбор мог бы быть строже.

Автор, судя по всему, не намеревается только веселить зал. Он обратился к студенческой жизни, чтобы поговорить на очень серьезные темы. Он смотрит на театр, как на общественную трибуну. Вопрос в том, что хочет драматург сказать с этой трибуны.

Писатель стремится быть правдивым и искренним. На сцене студенческий быт, а в нем встречаются и трудности и невзгоды. Товарищ попал в беду. Это испытание для него, для его друзей. Как они выдержат это испытание? Все ли поступки оправдывает дружба, стремление выручить хорошего человека? Молодость свойственно увлекаться, отсюда возможны промахи в оценке человека. Как разобратся, где невольная ошибка друга, любимого, а где серьезный повод для непоправимого разорвания, разрыва? В чем подлинная, а в чем мнимая красота?

Эта горячая заинтересованность автора, его внимание к быту молодежи, к моральным проблемам, волнующим ее, видимо, и привлекли театр и вызвали интерес зрителя к спектаклю.

Драматург откровенно стремится к острому разговору с молодым зрителем. Это дает и нам основание вступить в спор с ним, спор, уже во многом начатый театром.

Словно предвидя такую возможность, драматург ввел в пьесу ведущего — авторский рупор, который — далеко не всегда к месту и крайне многословно — объясняет и комментирует события, дает свое толкование и словам персонажей и невысказанным их чувствам. Часто он не соединяет, а разывает действительность. Хуже другое: реплики и монологи ведущего сплошь и рядом запутывают и без того противоречивые и непоследовательные авторские оценки.

Студента Гришу преследуют неприятности, он вторично срезался на экзаменах по одному из пред-

метов. Снова тройка, снова лишение стипендии. Однажды товарищи уже целый семестр отрывали рубли от своей стипендии, второй раз Гриша не хочет, не может согласиться на это и решает бросить институт. Артист С. Филимонов искренен во всех проявлениях чувств своего героя. Тут и гордость, и горе, уязвленное самолюбие и нежелание быть обузой для товарищей. В третьей картине приходит друг Гриши Илья, приносит фотоаппарат «Киев-2» и дарит его Грише. Откуда у сироты, детдомовца Ильи, живущего на стипендию, такая дорогая вещь? Он взял (?) ее у некоей мифической тетки. Гриша без колебаний принимает сомнительный подарок и отправляется продавать его на квартиру к доценту Комаровскому. Н. Винников уверен, что ловко закрутил комедийную интригу, — ведь аппарат этот принадлежит не кому иному, как тому же Комаровскому.

Но, внушив нам вначале представление о пятерке друзей, как о прекрасных, честных и чистых советских юношах, автор в два счета вдребезги разбил это представление. Как бы ни стремился драматург представить черное белым, поступок Ильи имеет единственное определение: кража. Но ведь во имя дружбы! — упорно подсаживает нам писатель. Гриша не хочет такой дружбы и такой жертвы на ее алтарь. Он бурно протестует, когда узнает правду. Кто же прав и кто виноват в этом споре? В чем истинная дружба? Имел Илья моральное право на такой поступок или он должен был прямо сказать товарищу: не смеи бросать институт, иди хоть мешки грузить, наши отцы в свое время не страшись этого! Протянул он руку другу или подставил ножку?

Какие прекрасные возможности для раскрытия характеров, для острого столкновения взглядов, для развития настоящего конфликта! Но драматург уже вынес свой приговор. Илье? Нет, Грише! Все отворачиваются от него, один

из студентов высказывает страстное желание «именем Ленинского комсомола дать тебе (т. е. Грише. — Ю. Б.) в морду». Ведущий клеймит Гришу за черствость и суровость с молодых лет, и тот в конце концов... просит прощения у Ильи. Каково артисту Филимонову играть эту сцену, идущую вразрез со всем образом Гриши?

Да, мы верим, что у Ильи были самые чистые побуждения, что для себя он не взял бы чужой вещи, что сгоряча можно наделать глупостей. Но неужто драматург думает, что, обвинив Гришу и обелив Илью, он встает против ханжества и шаблона в человеческих отношениях и утверждает со сцены перед нашей молодежью истинный кодекс справедливости и советской морали? Чувствуя шаткость своей позиции, автор ставит в последней картине студента Бориса (арт. О. Борисов) рассуждать на такую тему: как быть, дескать, когда понимаю, что поступок Ильи неправильный, «а мне нравится»? И тут же выясняется, что после студенческой практики предстоит «проработка» Ильи на комсомольском собрании. Какая неверная нота! «Проработка» придется, потому что предложено, а в душе-то нравится... А что, собственно, нравится? Какой подвиг совершил Илья? Что может привить эта мнимая сложность рассуждений Бориса?

Вокруг истории с злополучным фотоаппаратом строятся все перипетии пьесы и отношение к ней определяет характеристику большинства персонажей. Увы, автор ставит их нередко в ложное положение. Главный герой комедии Илья сыгран артистом А. Шестопаловым как натура цельная, глубокая и прямая. Но, странная вещь, Илья никак и нигде не выражает собственного отношения к своему проступку. Мелодраматический эффект (с ударом топором по рукам) — не более чем отписка. Что думает сам герой, что он чувствует, что изменилось в нем? Этого мы не узнаем. Какая пустота образуется в роли! Актеру отказано в праве сказать свое слово в самом главном. И Шестопалову приходится угрюмо молчать и отворачиваться, когда в сцене вскрытия почтовой посылки товарищи изо всех сил стараются развеселить Илью.

Один из самых живых образов пьесы — студентка Раиса, которую играет артистка В. Предаевич. В ней много затаенной, молчаливой любви к Илье, боли за его судьбу, веры в него, желания видеть его сильным и честным. И вместе с тем противоречивость, свойственная пьесе, надуманность многих ситуаций сказываются и тут.

Раиса знает о «происхождении» пресловутого фотоаппарата, она в ужасе от поступка Ильи, хочет остановить его, но на первой же реплике автор дает занавес. Не странно ли? Раиса, которая потом потребует от Ильи, чтобы он сам во всем сознался, иначе она «побежит» и все скажет, эта Раиса не открыла правду Грише, остальных друзьям, не попыталась образумить Илью! Если бы Раиса поступила так, как этого требует логика развития характера, то... рухнула бы вся дальнейшая интрига пьесы. В угоду интриги автор заставляет Раису совершать и другие нелепые поступки.

В кабинете директора института Сухарева, прозванного студентами «сухарем», происходят удивительные вещи. Самый старший из студентов, бывший краснофлотец Сергей (артист Ю. Мажуга), признанный авторитет в общежитии, в беседе с директором выглядит грубым, развязным человеком. Смотришь эту сцену и испытываешь чувство жгучего стыда.

Директор института занимается в пьесе особое место. Сначала это, по замыслу автора, воплощение узколюбия и душевной черствости. Артист М. Розин предлагает свое, интересное толкование этой роли, во многом отличное от авторского. Сухарев бушует, иногда перегибает, перебарщивает, и вовсе не потому, что он сухарь: ему, старому коммунисту, без остатка отдающему себя делу, для него нет ничего дороже моральной чистоты нашей молодежи. И вдруг по велению автора Сухарев «перестраивается» и даже, сохраняя инкогнито, подбрасывает Илье деньги для возврата Комаровскому. (К слову сказать, на что «бедный студент» Гриша в один-два дня раздобыл более двух тысяч рублей, полученных за аппарат? Снова ради интриги — нелепость, компрометирующая героев!).

Ни нам, ни, видимо, актеру, теперь не понятно, кто же такой Сухарев. Беспринципный человек? Покаявшийся грешник? Ворчливый, но добрый старик и только? Или он тоже видит, что «неправильно», но ему «нравится», что «проработать надо, но...»

Это и есть точка или, вернее, «кочка» зрения автора? Трудно согласиться с тем, что этакая всеядность — лучшая позиция, когда начинаешь большой и важный разговор с молодежью, даже если этот разговор ведется в плане комедии.

Такая же расплывчатость и двойственность отличает и вторую сюжетную линию пьесы. Студентка Аниота — маленький хищник, эгоистка, бросающая любящего, друга ради перспектив выгодного брака, возможности стать «профессоршей», избегая отправки на периферию. Артистка Г. Будылина нигде не изменяет этому авторскому замыслу, точно передает живость, опустошенность, даже цинизм убогой душонок своей героини. А между тем автор, устами ведущего, так объяснял нам смысл начавшегося разрыва: «Один перегрубил, другая перелукавила...» Что же думать молодым зрителям о такой Аниоте? Значит все последующие ее поступки — не подлость, не предательство, а просто этакое кокетство, девичье лукавство?

Артист В. Дуклер играет Комаровского, как фатоватого и самозабвенного провинциального социалителю, кружащего голову хорошеньким студентам. Для такой трактовки он находит достаточную опору в тексте роли. Это собственные вещи — его кумир, и Аниота — тоже красивая вещь. Может быть, хоть на этот раз все ясно? Нет. Ведущий предостерегает нас от предубежденности. Почему, дескать, в том, что дозволено князю Гремину (?), мы должны отказывать доценту Комаровскому и подозревать его в чем-то предосудительном? «Любви все возрасты покорны...» К тому же домработница почтенного доцента дает современному Гремину самую лестную аттестацию как верно одному-любому.

Сложная, во многом неразрешимая задача стояла перед режис-

сером И. Молостовой и другими создателями этого спектакля. Постановщик и актеры могут многое доделать, «досказать», но им не под силу сделать одного — выправить ложную идею или сумбур, путаницу в образах и сюжете пьесы. Где нет ясности мысли, там нет и ясности изложения. Так случилось и на этот раз.

Ирина Молостова поставила спектакль интересно и ярко, в забытых ныне традициях театров рабочей молодежи. Условные, сведенные до минимума и в то же время выразительные декорации (художник Д. Боровский), вертящийся круг, действие на просцениуме, острые, смелые мизансцены, дающие максимум простора для творческой фантазии актеров, — все это определяет своеобразный и интересный образ спектакля. Очевидно стремление режиссера акцентировать, тщательно разработать сцены, несущие комедийное начало, создать атмосферу веселья, молодости, весны. Сцены эти удалась, в них много изобретательности, остроумных находок. Они удалась в большой степени и благодаря комедийному дарованию актера О. Борисова. Но многие из них, к сожалению, лежат вне основного сюжета пьесы, а иногда выглядят как вставные водевильные номера. Хороши в комедийных ролях артисты К. Богданова (тетя Мотя), Е. Деревщикова (Светлана), В. Дмитриук (Костя), Л. Брянец (милиционер).

Пьеса Н. Винникова «Когда цветет акация» вызвала интерес многих театров. А ведь в нынешнем виде она вряд ли может хотя бы поставить верно и последовательно те значительные вопросы, за которые взялся ее автор. Спектакль театра имени Леси Украинки — одно из первых сценических прочтений комедии. И эта проверка сценой подсказывает настоятельную необходимость очень серьезной, вдумчивой работы над совершенствованием пьесы. Жизненность ее темы волнует людей всех поколений, молодежь театра сыграла спектакль с настоящим увлечением и дарованием. И все же большой разговор с молодежью пока еще не состоялся. А должен, непременно должен состояться!

Юрий БУРЯКОВСКИЙ.